

© 1992 г. ЖУРАВЛЕВ А.Ф.

ИЗ КВАНТИТАТИВНОТИПОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ (ПРАСЛАВЯНСКОЕ НАСЛЕДИЕ)

Компаративист, занимающийся выяснением природы и силы связей в семье или группе родственных языков, как правило, имеет дело с неполным и зачастую довольно разнородным материалом, особенно если его внимание сосредоточено на фактах лексики и словообразования. Это обстоятельство существенно осложняет прямое сопоставление массивов данных, характеризующих каждый из родственных языков по отдельности.

Славянские языки являются в указанном отношении достаточно ярким примером. На одних языках в славянском мире говорят десятки (а в случае с русским — и более) миллионов людей, лексиконы этих языков складываются из многих сотен тысяч единиц, другие же (например, серболужицкие) обеспечивают коммуникацию нескольких десятков тысяч человек, и их словарные составы несравненно скромнее. Одни языки, привлекаемые компаративистом к анализу и сопоставлению, являются мертвыми, с конечным списком доступной исследованию лексики, другие — живыми, развивающимися и непрерывно увеличивающими свои словари. В одном случае (старославянский) мы имеем дело с языком исключительно книжным, другим языкам (скажем, полабскому) письменность как реализация социокультурных потребностей была вовсе не известна. С лексическими массивами одних языков мы знакомы исключительно по памятникам, и надежд на значительное обогащение наших представлений об их лексике у нас чрезвычайно мало (оно возможно лишь в случае неожиданного обнаружения совершенно новых источников), материалы же других языков с каждым годом возрастают за счет новейших фактов, добываемых в диалектологических экспедициях, с изданием все новых и новых региональных глоссариев, так что суждения об отсутствии того или иного слова или словообразовательной конструкции в таком-то языке или такой-то языковой группе постоянно рискуют устареть¹. И так далее: характеристические прогивопоставления "крупный — малый", "живой — мертвый", "письменный — устный", "литературный — диалектный" можно дополнить типологическими антитезами с древней культурной традицией (скажем, болгарский) — молодой (македонский), центральный (в плане языковой географии) — периферийный, находящийся в зоне интенсивных родственноэтнических контактов — лишенный условий для взаимодействий подобного рода...

Непринятие во внимание типологических несходств, о которых идет речь,

¹Чтобы убедиться в этом, предлагаем читателю сопоставить предварительный список "праславянских диалектизмов русского словаря", включенный в проспективный доклад О.Н. Трубачева на V Международном съезде славистов [1] или списки соответствий в пробных статьях Проспекта "Этимологического словаря славянских языков" [2] с материалами уже реализующегося "Словаря..." под редакцией того же ученого [3]; разница более чем заметная.

может приводить к неверно осуществляемым сличениям данных (особенно количественных), характеризующих разные языки, а отсюда — к смещенным результатам, а то и вовсе к ошибочным выводам, что мы уже пытались показать в другом месте (см. [4—6]).

Простейший случай. Если оценивать взаимную близость между родственными языками, основываясь на прямом сравнении абсолютных показателей лексических связей праязыкового возраста, то можно прийти к выводу о том, что русский и сербохорватский языки находятся в гораздо более тесных генетических отношениях, чем верхне- и нижнелужицкие языки между собою: в первых пятнадцати выпусках "Этимологического словаря славянских языков" (ЭССЯ), которые охватывают, по видимости, примерно треть объема праславянского лексического фонда, эксклюзивные лексические и словообразовательные связи последней пары языков характеризуются числом всего в 12 изоглосс (цельнолексемных соответствий), в то время как исключительные цельнолексемные связи между сербохорватским и русским языками определяются на данном участке праславянского словаря 74 лексико-словообразовательными параллелями. Вряд ли кто-либо из славистов согласится с тем, что в какой бы то ни было шкале измерения сербохорватский и русский языки генетически в шесть раз ближе друг к другу, чем два серболужицких языка. Очевидно, что правильным использованием этих цифр было бы их соотнесение с объемами списков праславянских лексем в словарях каждого из языков, т.е. учет одного из весьма важных типологических признаков исследуемых идиомов — величины доступного реконструкции праязыкового лексикона, сохраняющегося в каждом из них.

Еще один пример, который должен показать необходимость осторожности в использовании массовых данных в лингвогенетических исследованиях. В ЭССЯ (вып. 9, с. 8—105) реконструируется 305 праславянских лексем с начальным *jъz- (и сочетаний с предлогом *jъz, позднее слившихся в одно слово). 129 из них, или 42,3%, в списках соответствий заголовочным праформам содержат старославянские иллюстрации. Это не может не обратить на себя внимание: концентрация старославянской лексики в данном участке словаря почти в три раза выше, чем в словаре в целом (14,9%, по первым пятнадцати выпускам). Если сюда добавить и те словарные статьи, где приводятся, в случае отсутствия старославянских примеров в перечнях континуантов, иллюстрации с пометами "церковнославянское" (преимущественно русского извода), то число словарных статей с начальным *jъz-, включающих лексику культовых языков, увеличивается до 204, или 66,9%, что также значительно выше "нормы". Конечно, эти цифры пока еще ничего не говорят о "неестественности", "ненародности" форм на *jъz-: старославянский и церковнославянский могут оказаться попросту очень склонными именно к древней лексике с этим префиксом в силу особых их потребностей, удобства таких конструкций для передачи определенных (и существенных с точки зрения сфер функционирования этих языков) типов значений и т.п. Но объяснять описанную ситуацию только лишь повышенным влечением старославянского языка к тем или иным деривационным схемам и моделям, по-видимому, недостаточно. Во всяком случае имеют право на существование подозрения в том, что сюда могли попасть и образования (в том числе и послепраславянские), распространившиеся в народной речи под влиянием книжных и культовых сфер языка, тем более что на позднее распространение во многих случаях, может указывать и преобладающая в примерах абстрактность денотата (ср. *jъzbyтъкъ, *jъzходъ, *jъzkusъ, *jъzvěтъ и др., без старославянских параллелей — *jъzгуба, *jъzkaza, *jъzправа и т.д.). Но так или иначе, использование в качестве исходного материала для лингвогенетических построений некоторых групп лексики, где пропорции в распределении ее по языкам книжным и "народным" сильно нарушены, требует большой осмотрительности: внешняя архаичность форм еще не является гарантом их оригинальности для данной языковой традиции.

Обширный материал новейших славянских этимологических изданий, и прежде всего московского "Этимологического словаря славянских языков", даже если ограничиться только опубликованными его выпусками, уже сейчас достаточен для формирования предварительных представлений о типологических особенностях лексиконов современных славянских языков в их отношении к праязыковому лексическому наследию.

Излагаемые ниже наблюдения базируются на обсчете с помощью ЭВМ данных ЭССЯ (вып. 1—15). Объем изданной части — 7936 словарных статей — вполне обеспечивает надежность экстраполяций. Следует отметить, что в целях усиления достоверности результатов некоторые статьи подверглись исключению из статистического анализа (принципы сегрегационного анализа, за исключением подхода к старославянскому языку — данные, относящиеся к нему, были сохранены для подсчетов, — те же, что были изложены нами в работе [4, с. 46—47], т.е. в основном устранение тех статей, в которых выражено сомнение самих составителей ЭССЯ относительно принадлежности заголовочной лексемы праславянскому лексическому фонду). В итоге к статистическому анализу привлечено 7557 лексем, или 95,2% всех статей, содержащихся в 1—15 вып. ЭССЯ. Кроме того, материал ряда статей был расширен за счет дополнений, сделанных по спискам, имеющимся в работах [7—9]; таким образом расширен материал около 1700 словарных позиций.

1. Объем праславянского лексического корпуса.

Прежде всего необходимо уточнить, что речь идет не о словарном "запасе" некоего цельного идиома, из которого ("запаса") потомки праславянского языка — современные славянские языки — "извлекли" или "донесли", "сохранили" лишь некоторую его часть. Едиными и цельными этот идиом и его лексический корпус никогда не были. Словарь праславянского языка может реконструироваться только как теоретико-множественная сумма словарных составов, как обьединение множеств праславянских "słownictw" более поздних продолжений, т.е. славянских языков, включая "несовременные" старославянский и полабский.

15-й вып. ЭССЯ оканчивается серединой буквы "L" (словом **lokačь*), работа над следующими выпусками включает пополнение картотеки, поэтому технически праславянский словник еще представляет незавершенный список. Каков будет его окончательный объем, точно сказать пока трудно. Ф.П. Филин определяет его следующим образом: "В семи опубликованных выпусках словаря О.Н. Трубачева содержится 3771 словарная статья на буквы А — G... Отыскивая в словаре М. Фасмера слова, засвидетельствованные только в восточнославянских языках и диалектах (включая древние письменные источники), я обнаружил их около 150, а в статьях на буквы, соответствующие буквам напечатанных выпусков словаря О.Н. Трубачева, их оказалось около 25, причем распределение восточнославянизмов по сравниваемым статьям обоих словарей более или менее равномерно. Если указанная пропорция будет сохраняться и дальше, то в словаре О.Н. Трубачева, вероятно, должно быть около 22 626 словарных статей, соответственно и лексических праславянизмов. Значит, в праславянском языке, по современным данным, было что-то около 22 000 слов" [10].

Подсчеты Ф.П. Филина следует признать весьма приблизительными и, скорее всего, занижающими итоговую цифру. Во-первых, в семи выпусках ЭССЯ не 3771, а 3837 слов (уже из этого, при верности вычисленной пропорции, конечное число составит более 23 000 слов). Во-вторых, словарь Фасмера, которым пользовался Филин для выявления необходимых численных соотношений между праславянской и восточнославянской лексикой, не рассматривает, в отличие от ЭССЯ, словообразовательно прозрачные явления. В диапазоне А — G латинского алфавита относительно высокую продуктивность обнаруживают только славянские префиксы **bez-* и **do-*, за пределами этого диапазона, в "оставшейся" части праславянского словаря находятся такие высокопродуктивные начальные

1	2	3	4	
			а	б
Старославянский	1124 слов	14,87%	3,2 тыс. слов	3,7 тыс. слов
Болгарский	3262	43,17	9,5	10,8
Македонский	2035	26,93	5,9	6,7
Сербохорватский	4568	60,45	13,3	15,1
Словенский	3519	46,57	10,2	11,6
Чешский	4264	56,42	12,4	14,1
Словацкий	2933	38,31	8,5	9,7
Верхнелужицкий	1895	25,08	5,5	6,3
Нижнелужицкий	1574	20,83	4,6	5,2
Полабский	452	5,98	1,3	1,5
Польский	3350	44,33	9,8	11,1
Кашубско-словинский	1683	22,27	4,9	5,6
Древнерусский	2681	35,48	7,8	8,9
Русский	4956	65,58	14,4	16,4
северновеликорусский	4168	55,15	12,1	13,8
среднерусские говоры	3834	50,73	11,2	12,7
южновеликорусский	3833	50,72	11,2	12,7
Украинский	3905	51,67	11,4	12,9
Белорусский	3288	43,51	9,6	10,9

Пояснения к таблице 1:

1 — идиом; 2 — количество праславянских лексем в данном идиоме в 1—15 вып. ЭССЯ; 3 — их доля в общем объеме обследованной лексики (в %); 4 — гипотетический объем праславянского словника данного идиома при экстраполяции на суммарный объем праславянского словаря (а) в 22 тыс. лексем и (б) в 25 тыс. лексем.

элементы, как *jъz-, *na-, *ne- *ob-, *orz-, *ot-, *pa-/ *po-, *per-, *pri-, *pro-, *sъ-, *u-, *vъ(n)-, *vy-, *za-, сложения с которыми, в силу их прозрачности, в этимологическом словаре Фасмера в огромном большинстве своем места не нашли. Следовательно, реально доля деривационно непрозрачных слов, заслуживших помещения в лексиконе Фасмера, ниже, чем это вычисляется с опорой на начальные участки славянских словарей.

Допустимо думать поэтому, что конечная цифра, характеризующая величину словарного состава праславянского языка, получится близкой к 23—25 тыс. единиц, если не более.

2. Объемы праславянских словарей отдельных славянских языков.

Эти сведения, пока гипотетические, несложно получить, экстраполировав на тот или иной предполагаемый суммарный объем праславянского словаря данные о предьявленности каждого славянского языка в списках континуантов заголовочной праформы в уже опубликованной части ЭССЯ. В табл. 1 включены данные обо всех славянских языках, как они рассмотрены в анализируемом лексиконе (с выделением, однако, древнерусского в отдельный идиом²). Кроме того, обширная великорусская территория представлена в виде двух идиомов — северно- и южновеликорусского наречий, поскольку территориальные пометы к русскому материалу в ЭССЯ дают такую возможность (отнесение лексики к тому или другому наречию осуществлялось с ориентацией на границы наречий, как они установлены в работе [11]); полноты ради приведены и сведения относительно среднерусских говоров, не представляющих собою самостоятельного наречия.

²В число древнерусских слов включались лексемы, при которых есть помета "др.-русс."; иллюстрации, помеченные только обозначением "русс.-цслав.", из подсчета исключались.

По тому, какую долю праславянской лексики "сохраняет" каждый славянский язык, их можно условно разделить на четыре группы: 1) "крупные" языки — охват праславянского словаря в 50% и более: великорусский (оба наречия также относятся к "крупным" идиомам), сербохорватский, чешский и украинский; 2) "средние" — от 30% до 50%: словенский, польский, белорусский, болгарский, словацкий и древнерусский; 3) "малые" — менее 30%: македонский, верхнелужицкий, кашубско-словинский, нижнелужицкий и старославянский; 4) "реликтовый" — полабский. Относительно старославянского языка см. также [12].

Мы неслучайно прибегли здесь к обозначениям членов полученного ряда, указывающим на "величину" языка. Точнее, речь идет о величине всего словарного состава каждого данного языка, а не только его праславянского фонда. Достаточно надежных сведений о размерах лексиконов отдельных славянских языков (за исключением, пожалуй, мертвых старославянского и полабского — языков с конечным и в общем очень небольшим числом известных текстов; собственно, сами термины "старославянский" и "полабский" определяются со ссылкой на жестко дефинированные корпуса источников) не имеется, хотя предпринимались, и неоднократно, попытки их оценки по косвенным данным (из последних по времени см., например [13]). Тем не менее очевидно, что лексикон русского и сербохорватского, включая и диалектную лексику, несравненно пространнее, чем словарные составы македонского, нижнелужицкого или кашубского. Хорошо просматривается положительная корреляция между долей праславянского лексикона, приходящейся на данный язык, и (оцениваемым, к сожалению, на глаз) объемом всего его лексикона в целом.

Наши данные существенно отличаются от соотношений, которые вычислены другими исследователями. Ф. Копечный [14] полагает, что наилучшим образом праславянский лексический фонд сохраняется в чешском и словацком языках, в то время как у нас по объему праславянского фонда чешский уступает русскому и сербохорватскому, а словацкий — всем восточнославянским, южнославянским; кроме македонского, а из западнославянских языков, помимо чешского, — польскому. Т.Г. Линник [15, с. 201—202] приходит к выводу, что наибольшей сохранностью праславянская лексика отличается в сербохорватском, словенском, чешском и словацком, наименьшей — в верхнелужицком и белорусском (остальные языки составляют промежуточную зону). Эти выводы, однако, хотя и получены на основе анализа данных ЭССЯ, неубедительны из-за сильных ограничений в отборе лексического материала: подсчеты проводились только на массиве лексики с начальным *b-*, и при этом совершенно неоправданно "учитывались" только слова литературных языков, данные диалектов игнорировались как несущественные для литературных языков [15, с. 202]. Остается загадочной цель подсчетов с такой селекцией материала. Если сопоставлению подвергаются литературные языки, можно ли считать для их типологии степень сохранения ими праславянской лексики очень уж важным параметром?

Столь же недостоверным нужно уже признать установление меры лексической "консервативности" того или иного языка путем обращения к частотным словарям [15, с. 202—204]: во-первых, в попытках этого рода дело опять-таки касается литературных языков, а во-вторых, речь здесь должна идти не о сохранении лексики или ее "исчезновении", а о ее перемещении по шкале употребительности, что, согласимся, несколько иная материя. Кorteж, определенный Т.Г. Линник с опорой на фреквентные списки: "словацкий — чешский — украинский — русский — польский" (первый член последовательности — наиболее "консервативен", "утраты" праславянской лексики в последнем — почти катастрофичны; анализировались частотные словари только этих пяти языков) — по нашим данным, имеет другой порядок: русский — чешский — украинский — польский — словацкий (см. выше).

Вообще же следует, несколько отвлекаясь в сторону теоретического уточнения позиций, заметить, что термины "степень сохранности", "утраты" и под. часто

скрывают за собою неизжитый рецидив стремительно устаревающей концепции диалектной монолитности праязыка и потому далеко не всякий раз удобоприменимы в описании отношений между словарем праславянского языка и праславянским словником какого-либо данного (современного) славянского языка. Ведь отсутствие в данном языке того или иного праславянского слова, реконструируемого на основании данных других языков, не всегда означает лексическую утрату: то слагаемое (диалект) праязыка, из которого развился данный идиом, вовсе не обязательно характеризовалось наличием этого слова в его лексиконе. Даже весьма консервативный в лексическом отношении язык может быть отмеченным сравнительно незначительной долей от суммарного количества праславянской лексики. Употребляя термины "сохранность", "утрата" и т.п., видимо, нужно делать оговорку касательно той лексической (под)системы, от которой ведется отчет³.

3. Специфичность праславянского лексического наследия отдельных славянских языков (объем дифференциального словаря).

Индивидуальность лексической физиономии каждого языка обуславливается наличием в его словарном составе слов, которые не имеют прямых соответствий в других родственных языках. Конечно, своеобразие лексической системы языка создается не только индивидуальной лексикой: не менее важны межъязыковые различия в семантике континуантов одной и той же праязыковой лексемы (соответствий), в структуре лексико-семантических парадигм, сочетаемости и по множеству иных измерений. Однако отправным моментом в установлении специфичности лексикона какого-либо языка является обращение именно к «материальной» его стороне — выявление дифференциального слоя лексики. Наиболее существенно для компаративистских построений указание на такие индивидуальные лексемы, восходящие к праязыковой древности.

Доля дифференциальной лексики в праславянском словнике каждого славянского языка может служить мерой его лексической индивидуальности. В табл. 2 приводятся статистические сведения о таких словах в каждом языке, извлеченные из обследованных материалов 1—15 выпусков ЭССЯ.

Наибольшую лексическую специфичность по отношению к праславянскому лексическому фонду обнаруживает русский язык: почти четыре % его праславянской лексики не встречается ни в одном другом славянском языке. При этом составляющие его идиомы (оба наречия и полоса среднерусских говоров) по отношению к праславянскому наследию сами по себе характеризуются невысокой степенью своеобразия (как оно понимается в данном контексте) за счет тесной генетической близости друг к другу: индивидуализирующими лексическими единицами для русского языка в целом принимаются и те, которые могли фиксироваться во всех трех выделяемых диалектных поясах, в то время как для наречий, взятых в качестве независимых идиомов, они индивидуализирующими уже не являются. Поэтому сумма дифференциальных праславянских лексем для наречий русского языка меньше абсолютного показателя лексической специфичности этого языка как целого. Наименее индивидуализированным выглядит македонский язык: в интервале $A - L$ (*окаць*) он не имеет выявленной «собственной» лексики, возводимой к праславянскому состоянию, что, без сомнения, объясняется весьма поздним выделением македонского в самостоятельный язык (к тому же, как известно, этот его статус до сих пор оспаривается официальной болгаристикой).

³ Наши упреки одному из авторов монографии [15] не ограничиваются лишь сказанным. Попутно можно отметить неточности в историко-лингвистической квалификации конкретной славянской лексики. Так, Т.Г. Линник безосновательно, на наш взгляд, выводит за пределы унаследованного праславянского фонда многие слова современных языков (например, польск. *dziedzina, stopień*, русск. *большой, письмо*, укр. *жінка, людина, лише, обличчя* и др., см., в частности, соответствующие позиции ЭССЯ).

1	2	3	4	5
Старославянский	28	3,7%	12,8%	2,49%
Болгарский	35	4,6	16,0	1,07
Македонский	0	0	0	0
Сербохорватский	111	14,7	50,7	2,43
Словенский	45	6,0	20,5	1,28
Всего в подгруппе	219	29,0	100,0	
Чешский	125	16,6	49,0	2,93
Словацкий	17	2,3	6,7	0,58
Верхнелужицкий	30	4,0	11,8	1,58
Нижнелужицкий	13	1,7	5,1	0,83
Полабский	5	0,7	2,0	1,11
Польский	46	6,1	18,0	1,37
Кашубско-словинский	19	2,5	7,5	1,13
Всего в подгруппе	255	33,8	100,0	
Древнерусский	48	6,4	17,1	1,79
Русский	189	25,1	67,5	3,82
северновеликорусский	52	6,9	18,6	1,25
среднерусские говоры	23	3,1	8,2	0,60
южновеликорусский	19	2,5	6,8	0,50
Украинский	31	4,1	11,1	0,79
Белорусский	12	1,6	4,3	0,36
Всего в подгруппе	280	37,1	100,0	
Всего	754	100,0		

Пояснения к таблице 2:

1 — идиом; 2 — абсолютное число индивидуальных слов; 3 — доля индивидуальной лексики данного языка во всем массиве праславянской лексики, отмеченной лишь в единичных языках (в %); 4 — доля индивидуальной лексики данного языка от количества такой индивидуальной лексики в данной языковой подгруппе — южнославянской, западнославянской, восточнославянской (в %); 5 — доля индивидуальной лексики в праславянском лексическом слое данного языка (в %).

Будучи упорядоченным по убыванию доли дифференциальной лексики в праславянском словнике данного языка, список славянских языков (идиомов) выглядит следующим образом: 1) русский, 2) чешский, 3) старославянский, 4) сербохорватский, 5) древнерусский, 6) верхнелужицкий, 7) польский, 8) словенский, 9) (северновеликорусское наречие), 10) кашубско-словинский, 11) полабский, 12) болгарский, 13) нижнелужицкий, 14) украинский, 15) (среднерусские говоры), 16) словацкий, 17) (южновеликорусское наречие), 18) белорусский, 19) македонский.

Пренебрегая некоторыми деталями, в этой последовательности можно усмотреть определенную тенденцию: к началу списка тяготеют идиомы, которые можно охарактеризовать такими чертами, как достаточно раннее диалектное обособление, раннее осознание себя носителями данного идиома как выделенной этнической общности, давняя историко-культурная традиция, включая собственную письменность, и т.п., в то время как к его концу сосредоточиваются лингвистические образования более позднего с историко-культурных позиций характера (белорусский, окончательно оформившийся в национальный литературный язык к XX в., упомянутый уже в этом качестве македонский с его всего лишь полувековым «литературным стажем», великорусские наречия, не преодолевшие порога языковой самостоятельности и на роль более высокую, чем территориальный субязык, не претендующие). Иными словами, ранняя историко-культурная специализация идиома необходимо предполагает высокую долю индивидуальной лексики в сохраняемом им праязыковом лексическом наследии.

4. Эксклюзивные лексические связи.

Значительный интерес для установления тесноты генетических связей между языками представляют их исключительные соответствия. Приводя далее доступную на нынешнее время статистику таких эксклюзивных лексических и словообразовательных связей, наблюдаемых в кругу славянских языков, следует, как кажется, оговорить некоторые в общем немаловажные моменты.

С исторической точки зрения разворачивающиеся во времени взаимоотношения между родственными языками укладываются, как известно, в схему двух противоположенных движений — дивергенции и конвергенции. И то и другое может приводить в конце концов к существованию исключительных связей между двумя языками. Эксклюзивные связи, являющиеся следствием дивергентных процессов, — это результаты языковой эрозии (архаизмы, реликты, «переживания» и т.д.), т.е. «остатки» некогда более широкого ареала какого-либо лингвистического явления. Парадоксальность таких связей состоит в том, что языковое явление (фонетическая структура, закономерность фонетического преобразования, артикуляционный тип, словообразовательная конструкция, отдельная лексема, морфологический формант, синтаксическая схема и т.д. и т.п.), исчезая в одних языках, способствует их удалению от тех языков, где оно сохраняется, но — в то же время — удерживаясь в небольшом числе языков, вызывает своим следствием увеличение их статистически оцениваемой близости друг к другу именно за счет редкости архаизма и, значит, большей его значимости в сложном сплетении разнообразных черт и характеристик конкретных языков, т.е. приводит к эффекту, обратному по отношению к «стандартным» результатам дивергенции. Исключительные связи, возникшие как последствия конвергентных процессов, — новообразования. Однако и инновации различаются по своей природе: одни возникают в результате параллельного образования на разных территориях при сходных условиях (часто такие явления называют, не различая степени их конкретности, «типологическими») связями, что не совсем удачно, так как типология скорее должна иметь дело со сходствами и различиями структур, а не конкретных языковых единиц), другие — как результат волнового распространения из единого центра, вследствие контактного положения разных языков. Именно последние и признаются в большинстве посвященных этим явлениям работ наиболее доказательными при установлении тесного исторического взаимодействия языков (см., например [16]: «Они (соответствия. — Ж.А.) только в том случае будут доказывать наличие тесных связей между языками, если окажутся в них общими новшествами»); иным же иногда даже отказывают в праве называться изоглоссами (ср. [17]: «... я не спешу сказать "изоглоссы", потому что для последних допускают нередко происхождение в порядке совместной инновации...»).

Далеко не всегда эксклюзивные связи в лексике несут на себе приметы того пути, на каком они сложились. В изданной части ЭССЯ, например, зарегистрировано очень немного польско-«ближайшево-славянских» (украинско-белорусских) лексико-словообразовательных изоглосс. Если можно с достаточной уверенностью говорить о сравнительно позднем и локальном характере таких соответствий, как праслав. **laxmъ* (польск. *łachman* «лохмотья, тряпка», укр. *łaxmán* «отрепье, лоскутья, рубище; оборвыш», диалектн. *łaxmánе* «старая, рваная одежда», блр. диалектн. *łaxmán*, мн. *łaxmanь* «тряпье, лохмотья», см. ЭССЯ 14, с. 17) или **linovišče* (польск. *linowisko*, укр. *linóvišče*, блр. диалектн. *linóvišča*, *linóvišczэ* «змеиный выползок», «рачий панцирь, сброшенный при линьке», см. ЭССЯ 15, сс. 111—112), — о первом в силу исключительной редкости суф. *-mъ*, «который связан отношениями чередования гласных с и.е. суф. *-ten-*», во втором — ссылаясь на сложный суф. *-ovišče*, к тому же вызвавший диспалатализацию корневого *-n'*- в глаголе **lin'ati* (более «ожиданными» были бы формы ***linišče* или ***lin'evišče*), то гораздо труднее судить о степени древности, а тем самым и о характере эксклюзивной связи («переживание» или совместное новообразование в границах позднепраславянского существования) в случаях

с существительными **belnъ* или **leďьсь*. Праслав. **belnъ* (в ЭССЯ 1, с. 187, регистрируется только старопольск. *bleń* «белена, *Hyoscyamus niger* L.», мы добавляем сюда укр. диалектн. *бѣлень* «белена» и блр. диалектн. *бѣлень* «горечь», «белена», см. [18, 19]; грамматический род польского и украинского слов неясен, белорусское — муж. р.) является словообразовательно-грамматическим вариантом к праслав. **belnъ*, известному несравнимо шире — во всех языках южнославянской подгруппы, чешском, словацком, польском и русском языках в тех же и других («порочное вожделение», «греза, несбыточная мечта») значениях. Праслав. **leďьсь* (в ЭССЯ 15, с. 51 включаются продолжения польск. *leźwies*, укр. *лядвѣц* «горох, вика», видимо, сюда же должен быть присоединен белорусский топоним *Лядѣц*, с. Столинского р-на, см. [20]) — производное с суф. *-ьсь* от **leďo*, главным образом «пустошь», тогда как в других языках (чеш., словац., в.-луж., русск., укр) известно производное с тем же суффиксом и в близких — ботанических — значениях от прилагательного **leďьньъ* «произрастающий на заброшенных полях» — **leďьньсь*. На то, что **belnъ* и **leďьсь*, скорее всего, не являются совместными польско-«ближайшевозточнославянскими» изоглоссами-новообразованиями, может указывать их чрезвычайно высокая формальная регулярность: морфолого-словообразовательное варьирование финалей *-ъ/-ь...* (далее также *...-а/-о/-у/*, отражающее более раннюю систему именных основообразующих вокалических элементов *-ǐ/-ǐ(...-ā/-ǫ/-ū)* наблюдается в славянских именах как весьма свободное, почти не знающее морфонологических и семантических ограничений, а суф. *-ьсь*, если судить по материалам ЭССЯ, принадлежит к самым высокоупотребительным деривационным средствам в праславянском словообразовании. Так что у последних двух имен существительных более основательны причины считаться (особенно для **belnъ*) остатками прежних ареалов или (особенно для **leďьсь*) параллельными образованиями, чем совместными инновациями. Но подобные суждения в большинстве случаев вынуждены строиться если не на зыбких посылках, то на не достаточных для совершенной уверенности данных, и нередко могут быть опровергнуты или по меньшей мере оспорены.

Безоговорочное предпочтение совместных инноваций при доказательстве особо тесных генетических отношений между языками кажется нам все-таки излишне жестким подходом, отдающим ортодоксальностью. Эксклюзивные связи иной природы также могут в какой-то мере расцениваться как свидетельствующие о генетической близости языков. Параллельное образование, особенно с не самыми высокопродуктивными деривационными элементами, может говорить о наличии в данных двух идиомах сходных предпосылок для возникновения именно этой лексико-словообразовательной конструкции. А сужение древнего широкого ареала до исключительного парного соответствия также может быть истолковано в пользу присутствия неких общих у данных языков условий для сохранения в них архаичной структуры, об общем для них в данном случае каком-то механизме иммунитета к утратам. Разумеется, силой особенной доказательности генетической тесноты эти факты не обладают, и основная аргументация должна сосредоточиваться не на них, но все же сбрасывать их как вовсе незначачие также нельзя.

Исходя из этих соображений, мы не взяли на себя смелость по собственному усмотрению сортировать материал эксклюзивных лексических и словообразовательных связей, представленный в ЭССЯ, на «архаичный», «совместноинновационный» и «параллельноинновационный», с тем чтобы посылить «усовершенствовать» статистику, полагая, во-первых, что сегрегация послепраславянских совместных образований уже осуществлена составителями этого лексикона (хотя и не всегда, согласно добросовестным оговоркам в тексте ЭССЯ, абсолютно надежно), а, во-вторых, итоги собственно праславянских процессов, отраженные в нем, — наиболее объективная данность, с которой следует считаться: *hic Rhodus, hic salta*.

Численные данные об эксклюзивных лексических связях по первым пятнадцати выпускам ЭССЯ приведены ниже для каждого языка в отдельности

(их названия набраны вразрядку). Единицей подсчета была словарная позиция, иными словами — цельнолексемное соответствие: объединения материала разных словарных статей (если близкие варианты лексемы, скажем, **ablo* и **ablъ* или **bachъati* и **bachъěti*, были разнесены по разным статьям самими составителями) не производилось, хотя тем самым не использовалась возможность констатации еще множества — корневых — изоглосс. Цифра в скобках после имени идиома вразрядку — количество исключительных парных связей у данного языка вообще; далее — их процент в общем объеме праславянского словника данного языка. За двоеточием — сведения о вторых языках: название, абсолютный численный показатель его эксклюзивных лексических связей с первым языком и — в скобках — доля связей со вторым языком в числе всех исключительных изоглосс первого языка.

Старославянский (27; 2,40%): др.-русск. — 9 (0,33), серб.-хорв., словен., чеш. — по 4 (0,15), болг., укр. — по 2 (0,07), польск., блр. — по 1 (0,04), остальные — 0.

Болгарский (113; 3,46%): серб.-хорв. — 37 (0,33), русск. — 17 (0,15), макед. — 14 (0,12), чеш. — 13 (0,12), укр. — 7 (0,06), словен. 6 (0,05), сев.-в.-русск. — 5 (0,04), словац., в.-луж., польск., кашуб.-словин., юж.-в.-русск. — по 4 (0,04), ст.-слав. — 2 (0,02), н.-луж., др.-русск., блр. — по 1 (0,01), полаб. — 0.

Македонский (22; 1,08%): болг. — 14 (0,64), серб.-хорв. — 4 (0,18), чеш. — 2 (0,09), др.-русск., русск. — по 1 (0,05), остальные — 0.

Сербохорватский (268; 5,87%): русск. — 74 (0,28), словен. — 50 (0,19), болг. — 37 (0,14), чеш. — 34 (0,13), сев.-в.-русск. — 26 (0,10), польск. — 15 (0,06), др.-русск., укр. — по 10 (0,14), в.-луж., кашуб.-словин., юж.-в.-русск. — по 8 (0,03), словац. — 7 (0,03), блр. — 5 (0,02), ст.-слав., макед. — по 4 (0,01), н.-луж. — 2 (0,01), полаб. — 0.

Словенский (135; 3,84%): серб.-хорв. — 50 (0,37), русск. — 32 (0,24), чеш. — 19 (0,14), сев.-в.-русск. — 11 (0,08), укр. — 8 (0,06), болг. — 6 (0,04), ст.-слав., словац., в.-луж., польск., юж.-в.-русск. — 2 (0,01), н.-луж., блр. — по 1 (0,01), остальные — 0.

Чешский (235; 5,51%): словац. — 54 (0,23), польск. — 35 (0,15), серб.-хорв. — 34 (0,14), русск. — 30 (0,13), словен. — 19 (0,06), др.-русск. — 15 (0,06), болг. — 13 (0,06), сев.-в.-русск. — 10 (0,04), укр., блр. — по 9 (0,04), н.-луж. — 7 (0,03), ст.-слав., юж.-в.-русск. — по 4 (0,02), макед., в.-луж., полаб. — по 2 (0,01), кашуб.-словин. — 0.

Словацкий (95; 3,24%): чеш. — 54 (0,57), русск. — 12 (0,13), серб.-хорв. — 7 (0,07), болг., словен., польск. — по 4 (0,04), н.-луж., кашуб.-словин., юж.-в.-русск., укр. — по 3 (0,03), сев.-в.-русск. — 2 (0,02), блр. — 1 (0,01), остальные — 0.

Верхнелужицкий (46; 2,43%): н.-луж. — 12 (0,26), серб.-хорв. — 8 (0,17), русск. — 7 (0,15), болг., словен. — по 4 (0,09), польск., сев.-в.-русск. — по 3 (0,07), чеш., кашуб.-словин. — по 2 (0,04), полаб., др.-русск., юж.-в.-русск., укр., блр. — по 1 (0,02), остальные — 0.

Нижнелужицкий (34; 2,16%): в.-луж. — 12 (0,35), чеш. — 7 (0,21), русск. — 5 (0,15), словац., польск., сев.-в.-русск. — по 3 (0,09), серб.-хорв. — 2 (0,06), болг., словен., кашуб.-словин., др.-русск., укр., блр. — по 1 (0,03), остальные — 0.

Полабский (5; 1,11%): чеш. — 2 (0,40), в.-луж., польск., русск. — по 1 (0,20), остальные — 0.

Польский (107; 3,19%): чеш. — 35 (0,33), серб.-хорв., кашуб.-словин. — по 15 (0,14), русск. — 11 (0,10), укр. — 5 (0,05), болг., словен., словац., юж.-в.-русск. — по 4 (0,04), в.-луж., н.-луж., др.-русск., блр. — по 3 (0,03), ст.-слав., полаб., сев.-в.-русск. — по 1 (0,01), макед. — 0.

Кашубско-словинский (47; 2,79%): польск. — 15 (0,32), русск. — 9 (0,19), серб.-хорв. — 8 (0,17), болг., укр. — по 4 (0,09), словац., сев.-в.-русск. — по 3 (0,06), в.-луж. — 2 (0,04), н.-луж., блр. — по 1 (0,02), остальные — 0.

Древнерусский (115; 4,29%): русск. — 61 (0,53), сев.-в.-русск. — 17 (0,15), чеш. — 15 (0,13), серб.-хорв. — 10 (0,09), ст.-слав. — 9 (0,08), укр. — 6 (0,05), блр. — 5 (0,04), польск. — 3 (0,03), словен. — 2 (0,02), болг., макед., в.-луж., н.-луж., юж.-в.-русск. — по 1 (0,01), остальные — 0.

Русский (375; 7,57%): серб.-хорв. — 74 (0,20), др.-русск., блр. — по 61 (0,16), укр. — 54 (0,14), словен. — 32 (0,09), чеш. — 30 (0,08), болг. — 17 (0,05), словац. — 12 (0,03), польск. — 11 (0,03), кашуб.-словин. — 9 (0,02), в.-луж. — 7 (0,02), н.-луж. — 5 (0,01), макед., полаб. — по 1 (0,0...), ст.-слав. — 0.

Северновеликорусское наречие (110; 2,64%): серб.-хорв. — 26 (0,24), др.-русск. — 17 (0,15), словен., юж.-в.-русск. — по 11 (0,10), чеш., блр. — по 10 (0,09), укр. — 8 (0,07), болг. — 5 (0,05), в.-луж., н.-луж., кашуб.-словин. — по 3 (0,03), словац. — 2 (0,02), польск. — 1 (0,01), остальные — 0.

Южновеликорусское наречие (53; 1,38%): сев.-в.-русск. — 11 (0,21), блр. — 9 (0,17), серб.-хорв. — 8 (0,15), болг., словен., чеш., польск., укр. — по 4 (0,08), словац. — 3 (0,06), в.-луж., др.-русск. — по 1 (0,02), остальные — 0.

Украинский (125; 3,20%): русск. — 54 (0,43), блр. — 15 (0,12), серб.-хорв. — 10 (0,08), чеш. — 9 (0,07), словен., сев.-в.-русск. — по 8 (0,06), болг. — 7 (0,06), др.-русск. — 6 (0,05), польск. — 5 (0,04), кашуб.-словин., юж.-в.-русск. — по 4 (0,03), словац. — 3 (0,02), ст.-слав. — 2 (0,02), в.-луж., н.-луж. — по 1 (0,01), остальные — 0.

Белорусский (105; 3,19%): русск. — 61 (0,58), укр. — 15 (0,14), сев.-в.-русск. — 10 (0,10), чеш., юж.-в.-русск. — по 9 (0,09), серб.-хорв., др.-русск. — по 5 (0,05), польск. — 3 (0,03), ст.-слав., болг., словен., словац., в.-луж., н.-луж., кашуб.-словин. — по 1 (0,01), остальные — 0.

Полученные данные, разумеется, нельзя использовать «буквально». Они со всей убедительностью свидетельствуют о том, что абсолютные числа лексических связей между языками не могут служить индексацией их взаимной близости: требуется, как мы показывали выше, соотнесение этих данных с величинами объемов праславянской лексики в словарном составе каждого языка. Исключительные связи, например, польского и кашубско-словинского уступают в абсолютном выражении таковым же связям между польским и чешским, однако если эти величины будут представлены числителями дробей, в знаменателях которых будет находиться показатели объемов праславянских словников соответствующих языков, картина изменится в пользу большего взаимного сходства польского и кашубско-словинского, что интуитивно ближе к реальности. Тем не менее и в таком виде приведенные данные достаточно наглядны.

5. Славянские языки вне лексических связей с остальными языками своей подгруппы.

Для адекватных представлений о взаимоотношениях между славянскими языками на уровне праславянского лексического наследия полезно располагать сведениями о статистике лексико-словообразовательных связей отдельных языков за пределами их современных подгрупп (в наиболее общем и грубом членении — южно-, западно- и восточнославянской).

Ниже представлены данные, полученные, как и предыдущие, на основании обчета первых пятнадцати выпусков ЭССЯ.

Цифры, отражающие изоглоссы какого-либо славянского языка, в которых не принимают участие другие языки той же подгруппы, обнаруживают высокую скоррелированность с объемами праславянского лексического корпуса в отдельных языках. Этой зависимости не устраняет и доленое, процентное по отношению к объему праславянского словника каждого языка выражение его лексических связей за пределами собственной подгруппы.

Интерес здесь вызывают данные, говорящие о «предпочтениях», которые демонстрируют разные языки, в «ориентациях» за пределами своей подгруппы, — сведения, содержащиеся в последней графе табл. 3.

1	2	3	4	5	6		
					южн.	зап.	вост.
Старославянский	83	7,38%	55	4,89%		10	22
Болгарский	269	8,25	234	7,17		58	60
Македонский	22	1,08	22	1,08		3	6
Сербохорватский	795	17,40	684	14,97		141	197
Словенский	382	10,86	337	9,58		75	75
Чешский	769	18,03	644	15,10	163		126
Словацкий	159	5,42	142	4,89	34		37
Верхнелужицкий	98	5,17	68	3,59	22		13
Нижнелужицкий	54	3,43	41	2,60	8		16
Полабский	15	3,32	10	2,21	1		4
Польский	398	11,21	352	10,51	41		116
Кашубско-словинский	106	6,30	87	5,17	24		26
Древнерусский	256	9,55	208	7,76	65	37	
Русский	864	20,73	675	13,62	227	140	
Украинский	348	8,91	317	8,12	77	75	
Белорусский	115	3,50	103	3,13	22	33	

Пояснения к таблице 3:

1 — язык, 2 — количество праславянских слов данного языка, не отмеченных в других языках той же подгруппы (сюда же входит и число индивидуальных слов, отмеченных только в данном языке), 3 — то же, в процентах к объему праславянского словаря данного языка, 4 — количество изолек, связывающих данный язык с языками других подгрупп, но в которых не участвуют другие языки той же подгруппы (т.е. данные графы 2 за вычетом индивидуальной праславянской лексики), 5 — то же, в процентах к объему праславянского словаря данного языка, 6 — количество лексико-словообразовательных связей данного языка за пределами своей подгруппы — с другими языковыми подгруппами по отдельности (соответственно — только с южно-, западно- и восточнославянскими языками).

Южнославянская подгруппа. Связи старославянского языка с восточнославянскими, в которых не принимают участия остальные южнославянские языки, количественно явно значительнее, чем его связи такого же свойства с западнославянскими языками. Вызывается это, можно думать, прежде всего за счет высокой доли лексических и словообразовательных совпадений с древнерусским языком (но даже и за вычетом эксклюзивных лексических связей с древнерусским, которые можно объяснить непосредственным влиянием на последний со стороны старославянского, число параллелей с восточнославянскими оказывается больше числа связей с западнославянскими языками). Заметен перевес восточнославянской «ориентации» во внешних связях сербохорватского языка. «Ориентации» болгарского и словенского языков приблизительно сбалансированы. О македонском судить затруднительно в силу статистической недостаточности имеющихся данных.

Западнославянская подгруппа. Чешский и верхнелужицкий языки явно склоняются в своих внешних связях к южнославянским языкам. Польский и нижнелужицкий, напротив, отдают предпочтения связям с восточнославянской подгруппой. «Склонности» словацкого и кашубско-словинского выражены неярко, с некоторым перевесом словацкого- и кашубско-восточнославянских изоглосс. Данные, касающиеся полабского языка, статистически ненадежны.

Восточнославянская подгруппа. Древнерусский и современный русский язык в заметно большей мере ориентированы на южнославянскую подгруппу. У украинского языка южнославянские параллели, в которых не участвуют остальные восточнославянские языки, почти уравниваются западнославянскими. Белорусский же язык имеет очевидный обратный уклон — к сходству в праславянском лексиконе с западнославянскими языками.

В настоящей статье показаны лишь немногие из статистических закономерностей и связей, которые могут быть установлены на основе сплошного обсчета славянских этимологических словарей. Несомненно, что с дальнейшей публикацией ЭССЯ соотношения между отдельными славянскими языками, выявленные здесь на основе квантитативного обследования начальной части словаря, претерпят некоторые изменения и уточнения. Если отвлечься от возможных и даже неизбежных случайностей в распределении тех или иных лексических и словообразовательных явлений по различным участкам словаря, то эти изменения и уточнения могут быть вызваны главным образом включением в сферу исследовательского внимания многочисленных приставочных образований, которые — в силу условно-случайного по отношению к языковой системе, тем более славянской, расположения букв в латинице — довольно слабо отражены в начальных выпусках издания. Думается, впрочем, что для большинства квантитативно-типологических наблюдений над праславянской лексикой современных славянских языков сделанные статистические оценки, проверка которых по ее специфичности здесь не приводится, являются достаточно надежными и вызывающими доверие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Трубачев О.Н.* О составе праславянского словаря (проблемы и задачи) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1963.
2. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963.
3. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. Трубачева О.Н. Вып. 1—15. М., 1974—1988.
4. *Журавлев А.Ф.* Лексикостатистическая оценка генетической близости славянских языков // ВЯ. 1988. № 4.
5. *Журавлев А.Ф.* К критике некоторых методов определения древнеславянских племенных ареалов // Закономерности языковой эволюции. Всесоюзная научная конференция: Тез. докл. Рига, 1990.
6. *Журавлев А.Ф.* К проблеме расселения древних славян (о так называемом «графоаналитическом методе») // ВЯ. 1991. № 2.
7. *Меркулова В.А.* О дополнениях к словнику праславянских словарей // Этимология. 1984. М., 1986.
8. *Орел В.Э.* К реконструкции праславянского словарного состава // Советское славяноведение. 1987. № 5.
9. *Журавлев А.Ф.* К уточнению представлений о славянских изоглоссах. Дополнения к лексическим материалам «Этимологического словаря славянских языков». Ч. I—II. М., 1990.
10. *Филин Ф.П.* Проблемы исторической лексикологии русского языка (древний период) // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1983. С. 276—277.
11. *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.
12. *Львов А.С.* Праславянский слой старославянской лексики // ВЯ. 1976. № 2. С. 73.
13. *Супрун А.Е.* Лексическая типология славянских языков. Минск, 1983. С. 5—13.
14. *Кореšný F.* Základní všeslovenská slovní zásoba. Praha, 1981. С. 53.
15. Историческая типология славянских языков. Фонетика, словообразование, лексика и фразеология. Киев, 1986.
16. *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области. М., 1964. С. 84.
17. *Трубачев О.Н.* О праславянских лексических диалектизмах серболужицких языков // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 155.
18. *Етимологічний словник української мови.* Т. 1. Київ, 1982. С. 165.
19. *Тураўскі слоўнік.* Т. 1. Мінск, 1982. С. 51.
20. *Жучкевич В.А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974. С. 217.